

Г.А. Ястребов, А.Н. Красилова

**ВЕКТОРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ
ЕВРОПЫ И СНГ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ***

G. Yastrebov, A. Krasilova

**VECTORS OF HUMAN DEVELOPMENT IN EUROPE
AND THE CIS: CIVILIZATIONAL CONTEXT**

В публикации представлены результаты проекта «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в постсоциалистических странах Европы», осуществляемого Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ. В работе, в частности, сформулированы основные теоретико-методологические посылы анализа постсоциалистических трансформаций с точки зрения обеспечения жизнеспособности обществ, под которой на операциональном уровне рассматривается степень реализации потребностей населения в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве. Учитывая ограниченность существующих оценок на базе таких общепринятых интегральных показателей, как Индекс человеческого развития ООН, авторы разрабатывают собственное определение жизнеспособности на основе классического определения «здоровья», предложенного Всемирной организацией здравоохранения в 1948 г.

The article aims to disseminate some of the results of a research project “Comparative Analysis of Human Potential Development in Post-Socialist Countries of Europe” carried out at the Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development (National Research University “Higher School of Economics”). In this paper we define the major elements of the theoretical and methodological framework to the analysis of successful transformation in terms of ensuring society’s sustainability, i.e. a capacity to sustain human development.

* Статья подготовлена по материалам проекта «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в России и других постсоциалистических странах Европы: цивилизационный контекст», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (проект №17.1), а также при поддержке гранта РФФИ (грант №11-06-00437).

By that we particularly intend to understand an extent, to which the people's needs in safety, education, health, self-actualization, demographic and social reproduction are satisfied. We also consider the limitations of existing evaluations, which are based on the generally accepted methodological tool such as UN Human Development Index. The authors design a broader definition of viability based on the classical definition of "health" by the World Health Organization, which was suggested as far back as in 1948.

Ключевые слова: *человеческое развитие, человеческий потенциал, социокультурный потенциал, менталитет, цивилизации, типы общества, социально-экономические системы, идейно-институциональная основа общества, жизнеспособность общества.*

Keywords: *human development, human capacity, socio-cultural capacity, mentality, civilizations, types of societies, socio-economic systems, ideological-institutional basis of a society, sustainability of a society.*

Масштабные политические и экономические преобразования в конце прошлого века привели к системной трансформации российского и других постсоциалистических обществ. Однако успех рыночных реформ и становления либеральной демократии в одних странах и их неудачи в других сегодня как никогда требуют критического анализа основных теоретико-методологических подходов к объяснению их эволюции. По-видимому, эти расхождения во многом вызваны недоучетом принадлежности постсоциалистических стран к разным цивилизационным ареалам, что обуславливает потребность в целостном и систематическом анализе взаимосвязи характера и динамики социально-экономических структур населения и системообразующих элементов цивилизаций разного типа (системы институтов, ценностно-нормативные системы, ментальность народов и т. д.).

С конца 1990-х гг. в западной литературе сравнительно широкое распространение получают теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации, все чаще наблюдается отказ от смешения модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Эти идеи приобрели особую поддержку в Китае, Японии и некоторых развивающихся странах, где исследователи акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприменимых для анализа незападных форм современного общества. Неудивительно, что усиливающееся расхождение векторов социально-экономического развития в различных частях современного мира сегодня становится объектом пристального изучения. Об этом свидетельствует не только характер публикаций в соответствующей предметной области, но и актуализация этих проблем в повестке ведущих международных научных мероприятий (ISA Congress 2010 «Sociology on the Move», Huntington Symposium 2010 «Culture, Cultural Change and Economic Development», ESA Congress 2009 «European Society of European Societies» и др.).

Отход от линейных концепций, основанных на экономическом детерминизме (и нередко — экономоцентристских), и переход к изучению вариатив-

ности развития находит отражение не только в соответствующих теориях (например, в концепции «множественности модернизаций» (Eisenstadt 1999a; 1999b), «разнообразия капитализма» (Amable 2003; Lane, Myant 2006; Hancké, Rhodes, Thatcher 2007 и др.) или теории цивилизаций (Toynbee 1987; Spengler 1991; Huntington 1996; Arnason 2003 и др.)), но и в масштабных эмпирических исследованиях, отвечающих этим целям (например, World Value Survey, European Value Survey, European Social Survey, International Social Survey Programme, а также различные исследовательские программы ООН). Тем не менее, в России и других постсоциалистических обществах Европы это направление исследований, на наш взгляд, представлено сегодня довольно слабо. Практически все дискуссии в данной области сводятся к обсуждению того, как преодолеть исторически и культурно обусловленные ограничения, которые мешают модернизации этих стран по образу и подобию развитых западных обществ.

Однако, как представляется, в такой постановке задача заведомо обречена, поскольку в некоторых из этих стран адекватность существующих социально-экономических структур находится в противоречии с той логикой развития, которая детерминирована их принадлежностью к разным цивилизационным системам (см., например, Шкаратан 2010). Так, например, сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения, что, несмотря на схожесть программы реформ, развитие России и ряда стран СНГ пошло и продолжает идти в совершенно ином направлении, чем стран Центрально-Восточной Европы. Причем эти различия касаются не только и не столько уровня или качества экономического роста, сколько сложившихся в этих странах условий, необходимых для развития личности и творческих сил представителей всех без исключения социальных групп населения и определяющих в конечном счете жизнеспособность всего общества как социального организма.

Так, если с точки зрения экономоцентристских подходов проведение радикальных рыночных преобразований практически во всех постсоциалистических странах способствовало достижению главной цели — повышению экономической эффективности, благодаря развитию конкуренции и частной собственности, то с точки зрения обеспечения сбалансированного развития последствия этих преобразований в СНГ сегодня не выдерживают никакой критики. Более того, спровоцированного реформами импульса в этих странах оказалось явно недостаточно для того, чтобы обеспечить устойчивую траекторию развития по рыночно-демократическому сценарию, как это имеет место, скажем, в странах Вышеградской группы (Чехии, Венгрии, Польше, Словакии) или странах Балтии. Все это наталкивает на мысль, что одним из важнейших факторов жизнеспособности обществ является качество их исходного социального материала — населения с его специфическими установками, представлениями и моделями поведения — которому могут отвечать (например, в случае со странами ЦВЕ), а могут и противоречить (Россия и некоторые страны СНГ) принципы, на которых в этих обществах функционируют системы здравоохранения, образования, обеспечения внутренней безопасности и т. д. Противоречие это, в свою очередь, может служить причиной низкой и даже обратной

эффективности принимаемых государством социальных мер с точки зрения развития человеческого потенциала.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Как оценивать успешность развития постсоциалистических обществ, если принять во внимание все более очевидную неоднозначность такого критерия развития, как экономический рост? Как учесть в международных сравнениях особенности развития отдельных стран и межнациональных образований? Какие параметры с этой точки зрения можно рассматривать в качестве универсальных, и возможны ли в принципе подобные сопоставления? И, самое главное, как соотносятся различные критерии развития с внутренней логикой эволюции конкретных обществ?

Так, согласно нашим (впрочем, не только: см., в частности, (Шкаратан 2010; Пастухов 2006; Пивоваров, Фурсов 2001 и др.)) исходным представлениям, в отличие от культивирующей гуманистические ценности и традиции европейской цивилизации российское и другие общества евразийского типа сегодня не только не развивают собственных представлений о ценности человеческой личности, но и зачастую пренебрегают человеческой жизнью как таковой. В то же время мы признаем, что подобные утверждения заслуживают самого тщательного теоретического обоснования и эмпирической проверки. В связи с этим в конце 2010 г. Лабораторией сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ НИУ ВШЭ (далее — Лаборатория САРПО) была утверждена исследовательская программа «Сравнительный анализ развития человеческого потенциала в постсоциалистических странах Европы: цивилизационный подход», направленная на всестороннее изучение динамики и различий в развитии человеческого потенциала населения постсоциалистических стран Европы, включая Россию, а также поиск факторов, способствующих устойчивому развитию перечисленных стран в контексте их цивилизационной принадлежности. Таким образом, исходная посылка нашего исследования — признание идеи вариативности развития и существования локальных цивилизаций, в рамках которой последние реализуют свои сравнительные преимущества в процессе освоения занимаемых ими экологических ниш.

Несмотря на неоднократные попытки антропологов и этнологов сформулировать необходимый и достаточный перечень признаков, которые позволили бы четко идентифицировать локальные цивилизации, на этот счет сегодня по-прежнему нет консенсусного решения. В разное время у разных авторов, искавших определение «этносов» и «суперэтносов» (цивилизаций), исчерпывающий список включал в себя следующие признаки: язык, самоназвание, самосознание, территория, происхождение, культурные особенности, религия, менталитет, ценности, экономические связи, политические объединения и др. (Аругюнов, Рыжакова 2004; Козлов 1993; Бромлей 1973; Гумилев 1994а, 1994б; Семенов 2003 и др.). При этом, как правило, ни один из признаков сам по себе не значим — имеют смысл лишь определенные их сочетания.

Мы же считаем перспективным адаптировать для решения этой задачи подход, который был разработан в социологии для изучения социальной стратификации общества. В основе лежит так называемая концепция реальных социальных групп (Шкаратан, Ястребов 2007; Сорокин 1992; Blau 1974; Grusky,

Weeden 2001 и др.), представляющих собой реальную социальную целостность, характеризуемую общностью условий существования, причинно-взаимосвязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, стилем жизни и т. п. Таковы, например, социальные классы, выступающие субъектами и объектами реальных отношений (власти, эксплуатации и т. д.). Реальные социальные группы противопоставляют номинальным, аналогией которых является, скажем, совокупность лиц определенной национальности, выделенных исключительно по формальному (национальность), а не реальному признаку — национальному самосознанию или особенностям культуры. И «цивилизации», в нашем понимании, представляют собой явление именно того же порядка, что и «реальные группы», в отличие от, например, национальных государств. В этой связи также важно, что реальная группа имеет следующую универсальную структуру: «ядро» и «периферию» с постепенным ослаблением по мере удаления от ядра сущностных и идентификационных свойств, по которым одна группа отделяется от других, выделяемых по тому же критерию. При этом зоны трансгрессии постепенно переходят в зоны притяжения других «ядер». «Ядро группы» — это совокупность типических индивидов, наиболее полно сочетающих присущие данной группе характер деятельности, структуру потребностей, ценности, нормы, установки и мотивации. Поэтому ядро в концентрированном виде выражает все социальные свойства группы / общности, определяющие ее качественное отличие от всех иных. Экстраполяция данной концепции на понятие локальных цивилизаций позволяет нам, таким образом, рассматривать последние не как некую абсолютно гомогенную общность, а как систему, состоящую из идентификационного ядра (сущность цивилизации) и зон трансгрессии, в которых могут сочетаться сущностные черты нескольких локальных цивилизаций (например, феномен так называемых пограничных цивилизаций у Я. Шемякина).

На предыдущем этапе исследований нами было сформулировано и обосновано рабочее определение понятия «цивилизаций» как результат теоретических обобщений трудов наших предшественников (Н. Данилевского, Ф. Броделя, А. Тойнби, О. Шпенглера, С. Хантингтона, К. Поланьи, Ю. Семенова, Б. Ерасова, Л. Васильева, Р. Нуреева и мн. др.). Согласно этим обобщениям, сущностное идентификационное ядро цивилизаций образует культура, а точнее, ее нематериальная часть, или «идейно-институциональная основа» (в терминологии Л.С. Васильева), отражающая уникальный исторический опыт приспособления народа (или системы народов) к специфическим условиям существования, в том числе во взаимодействии с другими народами. В свою очередь, процесс этого приспособления, который иначе можно было бы назвать процессом освоения экологических ниш (Бромлей 1973; Гумилев 1994б), представляет собой последовательное чередование способов организации жизнедеятельности, которое неизбежно происходит вследствие непостоянства как внутренних (например, рост численности населения, исчерпание ресурсов и т. п.), так и внешних факторов (например, напряженность экономической или военной конкуренции и т. п.). Отсюда можно предположить, что неодинаковость и непостоянство этих факторов порождают различия и в историческом

опыте цивилизаций и, как следствие, делают этот опыт неуниверсальным в одних и тех же институциональных контекстах. В действительности же, как известно, эта неуниверсальность проявляется не только в эстетических свойствах той или иной культуры (например, Тоунбее 1987), или особом экономическом укладе (например, Поланьи 2002; Нуреев 1989), но и в таких глубинных качествах самого народа, как ментальность и система базовых и инструментальных ценностей, часто коррелирующих с доминирующими системами религиозных взглядов (Huntington 1996).

Система ценностей и ментальность представляют собой как бы «сознательный» и «бессознательный» элементы нематериальной культуры цивилизации, формирующие ее уникальную идейно-институциональную основу, или, другими словами, «идентификационное ядро». Так, если системы ценностей, как показывают последние исследования, хоть медленно, но все же меняются (Schwartz 2008; Inglehart, Oyserman 2004), то ментальность (по крайней мере, гипотетически) представляет собой некий инвариант, «записанный в материальных основах психики, определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние... запечатлевшее в себе (не “в памяти народа”, а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания» (Бутенко, Колесниченко 1996). Это концептуальное расчленение на «сознательное» и «бессознательное» для нас принципиально, поскольку ценности, будучи исторически более подвижными, зачастую являются прагматической реакцией на смену жизненных циклов цивилизации и потому не могут (как это ошибочно полагают некоторые ученые (напр., Schwartz 2008; Eisenstadt 1999a, 1999b) служить адекватным основанием для их (цивилизаций) идентификации.

Общество (или государство) как элементарная единица макроисторического анализа, в нашем понимании, представляет собой определенную конфигурацию институционального оформления системы (в марксистской терминологии — надстройка) и ее идейно-институциональной основы (базис), которые сочетаются в определенный момент времени (см. рис. 1). Под институциональным оформлением мы понимаем, в частности, определенные способы социальной, политической и экономической организации общества, которые, в свою очередь, на самом элементарном уровне характеризуются соотношением известных институциональных противоположностей («частная собственность» vs «власть-собственность»; «договорное управление» vs «приказное управление»; «рынок» vs «редистрибуция» и т. п.).

Именно такое концептуальное разделение структуры социального объекта на некий неслучайный инвариант (идейно-институциональная основа) и действующий способ организации жизнедеятельности делает возможным определение оптимального и неоптимального состояния системы. Неоптимальность достигается в том случае, когда установившееся в результате определенного стечения обстоятельств институциональное оформление общества (напр., революция, приводящая к резкой смене одного общественного строя на другой) приводит к снижению жизнеспособности системы и увеличивает риск ее раз-

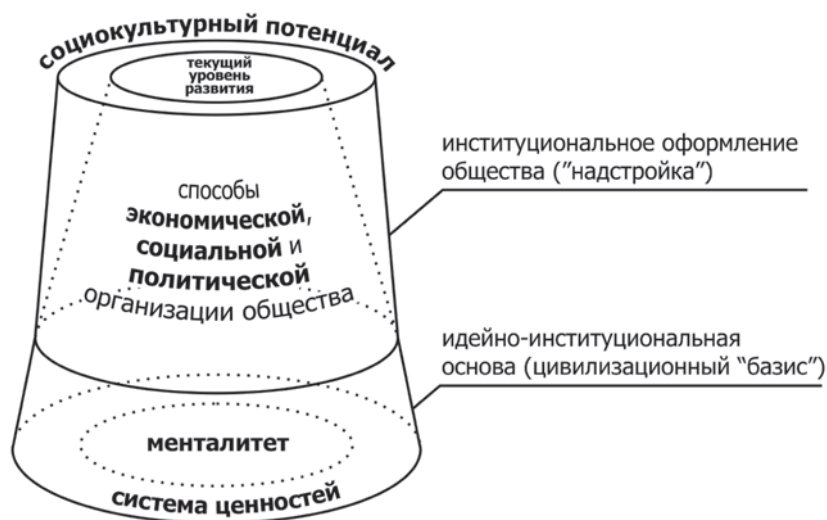

Рис. 1. Реализация социокультурного потенциала общества как результат взаимодействия его идейно-институциональной основы со способом институционального оформления

ложения, вплоть до деформации идейно-институциональной основы. У некоторых авторов такое состояние именуется «аксиологической рассогласованностью» или «цивилизационным надломом» (например, Тоунбее 1987; Аксюмов 2008).

Таким образом, мы исходим из того, что оптимальное состояние социальной системы 1) достигается в случае максимального «совпадения» существующего институционального оформления общества с некими оптимальными контурами, которые определяются содержанием конкретной идейно-институциональной основы, и 2) это состояние повышает, а не снижает ее (системы) жизнеспособность. Отсюда становится возможным ввести понятие «социокультурный потенциал», которое представляет собой принципиальную возможность более рационального использования качеств идейно-институциональной основы цивилизации в целях достижения оптимальных параметров конкретной социальной системы. В то же время уровень человеческого развития рассматривается нами как текущий интегральный индикатор жизнеспособности общества, обусловленный соответствием (или несоответствием) «цивилизационного базиса» и «надстройки». Иными словами, социокультурный потенциал характеризует принципиальную возможность достижения определенного состояния человеческого развития, тогда как последнее рассматривается нами всего лишь как движение от существующего состояния человеческого развития к потенциальному.

В этом году, анализируя успехи и неудачи крупных социальных трансформаций начала 1990-х гг. в постсоциалистических странах Европы и СНГ, мы ввели и обосновали понятие «жизнеспособности» как единственного инте-

грального качества устойчивости обществ, претендующего на универсальность. Это определение, с одной стороны, строится на признании того, что единственная универсальная цель (и ценность!) любых общественных преобразований — сам человек, в то время как рост совокупного богатства, совершенствование технологий жизни, расширение прав и свобод и т.п. возможные, однако далеко не единственные инструменты ее достижения (Sen 1990; Etzioni 2003; Стиглиц 1998 и др.). В связи с этим, оставив за скобками такие привычные «измерители общественного прогресса», как ВВП на душу населения, индекс человеческого развития ООН и т. п., мы предложили рассматривать жизнеспособность как степень реализации потребностей населения в таких безусловных благах, как безопасность, образование, здоровье, самореализация и т. п. Однако учитывая, что жизнеспособность является, прежде всего, системным качеством, параллельно с качеством человеческого развития мы рассматривали степень социальной сплоченности, а также способность общества к социальному и демографическому воспроизводству.

Для того чтобы оценить уровень жизнеспособности интересующих нас обществ, мы выделили два основных ее аспекта: *количественный*, т. е. способность общества как минимум к простому численному воспроизводству, и *качественный*, под которым мы понимаем способность общества успешно противостоять развитию потенциально опасных для его устойчивого развития дисфункций, или, другими словами, патологий: *социальных* (выражающихся, например, в наличии чрезмерных дистанций между социальными группами, социальной дезинтеграции, криминализации повседневной жизни и т. п.), *физических* (низкая продолжительность жизни, деградация физического и психического здоровья населения и т.п.) и *духовных* (интеллектуальная и нравственная деградация населения)*. Для отдельного индивида это состояние достигается благодаря удовлетворению различных потребностей, представляющих собой определенную иерархию (напр., «пирамида потребностей» Маслоу). Отсюда под индивидуальным уровнем человеческого развития следовало бы понимать степень реализации потребностей отдельно взятого человека в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве. Однако учитывая, что в нашем случае речь шла о населении (обществе) в целом, мы предложили считать, что уровень человеческого развития в обществе тем более высок, чем большее число людей в данной стране / обществе имеет возможность реализовать потребности более высокого порядка.

На основе этой концепции с учетом известного опыта (Индекс человеческого развития ООН и др.) нами была разработана система эмпирических по-

* Любопытно, что если рассматривать последний, качественный аспект жизнеспособности как категорию, родственную понятию здоровья, данная трактовка полностью согласуется с определением, принятым Всемирной организацией здравоохранения в 1948 г., согласно которому «здоровье — есть состояние полного физического, душевного и социального благополучия». Таким образом, жизнеспособное общество можно также рассматривать как «здоровое», т. е. лишенное ярко выраженных патологий в своем развитии.

казателей, с помощью которой мы попытались оценить последствия пост-социалистических трансформаций в Европе и странах СНГ за последние 20 лет. В состав этих показателей вошло в общей сложности 24 индикатора физического, социального и духовного «здоровья» общества (качественный аспект), а также уровень естественного прироста населения (количественный аспект). В сравнительный анализ были включены 30 стран Европы и СНГ. Более подробно с методологией, эмпирической базой и результатами исследования можно ознакомиться в препринте, доступном для скачивания в двух частях на сайте НИУ ВШЭ* (Ястребов, Красилова, Черепанова 2011).

Ниже мы демонстрируем наиболее интересные из полученных результатов. Следующие два графика (рис. 2 и рис. 3) иллюстрируют соотношение жизнеспособности стран при определенном уровне их экономического благосостояния. Первый график (рис. 2) наглядно демонстрирует, что жизнеспособным общество может быть даже при относительно скромных экономических достижениях, в то время как экономический рост сам по себе отнюдь не гарантирует устойчивого развития. В частности, следуя представленному распределению показателей, Россия при сопоставимом со странами СНГ показателе ВВП на душу населения значительно отстает от них по всем показателям человеческого

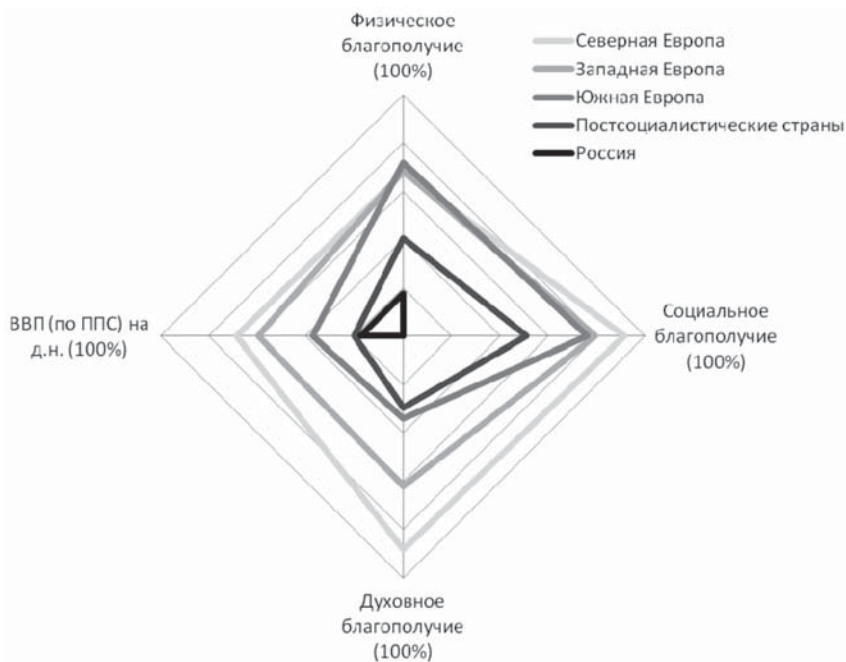

Рис. 2. Средние стандартизированные показатели ВВП на душу населения, а также физического, социального и духовного аспектов человеческого развития по группам стран на 2009–2010 гг.

* <http://www.hse.ru/org/hse/wp/wp17>

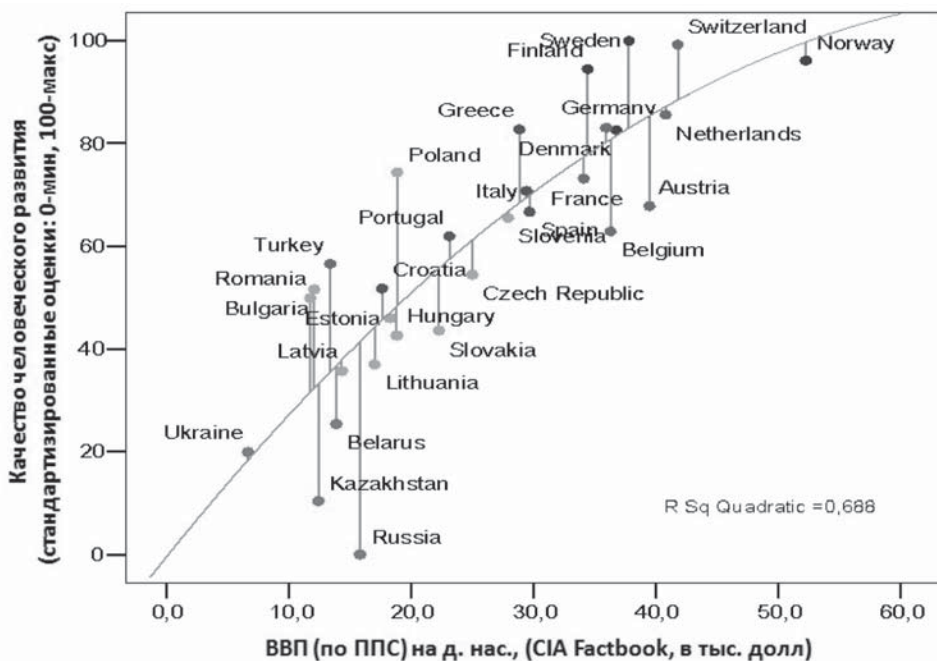

Рис. 3. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и уровню ВВП на душу населения на 2009–2010 гг. (все показатели стандартизированы)

развития. С другой стороны, группа южноевропейских стран представляет собой противоположный пример: при гораздо меньшей экономической обеспеченности физическое и социальное благополучие этих обществ остается на уровне самых богатых и благополучных западных и северноевропейских стран.

На втором графике (рис. 3) приведено распределение стран в аналогичной системе координат без их усреднения по уровню экономического развития. Как видно, между двумя измерениями наблюдается определенная корреляция, однако при более детальном рассмотрении на ней несложно определить те страны, которым удалось добиться более высоких результатов в уровне человеческого развития при более скромных экономических достижениях, и, наоборот, — те страны, которые крайне неэффективно расходуют свое богатство в целях повышения качества жизни. К последним, со всей очевидностью, можно отнести Россию и, в чуть меньшей степени, Белоруссию и Казахстан, тогда как к числу первых — такие страны, как Польша, Румыния, Болгария, Турция и Греция. Даже в не очень богатой Украине при всей ее политической и экономической нестабильности уровень человеческого развития гораздо ближе к уровню, характерному для ее восточноевропейских соседей, чем к российскому или казахстанскому.

На следующем графике (рис. 4) приведено распределение стран по уровню развития демократических институтов (в показателях Economist Intelligence

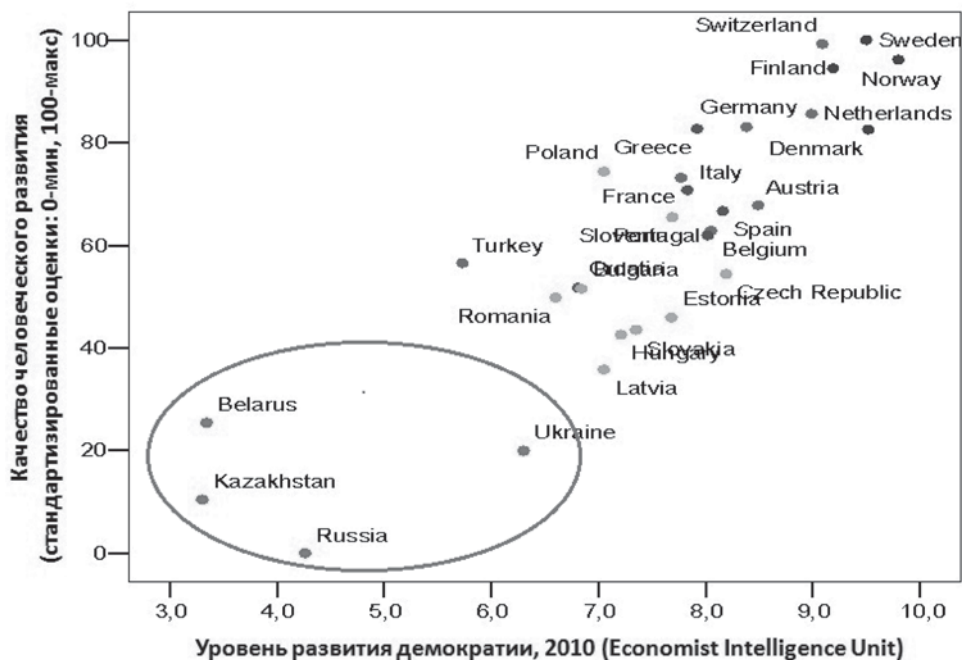

Рис. 4. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и уровню развития демократии (EIU) на 2009–2010 гг. (все показатели стандартизованы)

Unit за 2010 г.) и степени их жизнеспособности (качеству человеческого развития).

На первый взгляд, взаимосвязь между этими измерениями вполне однозначная: чем лучше развита демократия в отдельно взятой стране, тем более успешно она справляется с повышением физического, социального и духовного благополучия своих граждан. И действительно, как можно заметить, особенно четко эта связь прослеживается для западноевропейских стран, выстраивающихся на рис. 4 в аккуратный ряд. Однако если присмотреться, несложно также обнаружить, что Турция — единственный «гибридный» (или смешанный полудемократический) режим в Европе, согласно классификации EIU — представляет собой не менее, а в чем-то даже более жизнеспособное общество, чем самые демократические режимы Центрально-Восточной Европы. Более того, для всех четырех из представленных стран СНГ — России, Казахстана, Белоруссии и Украины — зависимость между уровнем развития демократических институтов и качеством человеческого развития представляется уже не столь однозначной.

Справедливости ради стоит отметить, что, несмотря на полученные весьма красноречивые результаты, свидетельствующие о существенной разнице в последствиях трансформации для стран Центрально-Восточной Европы и стран СНГ, мы не проводили отдельного исследования динамики произошедших из-

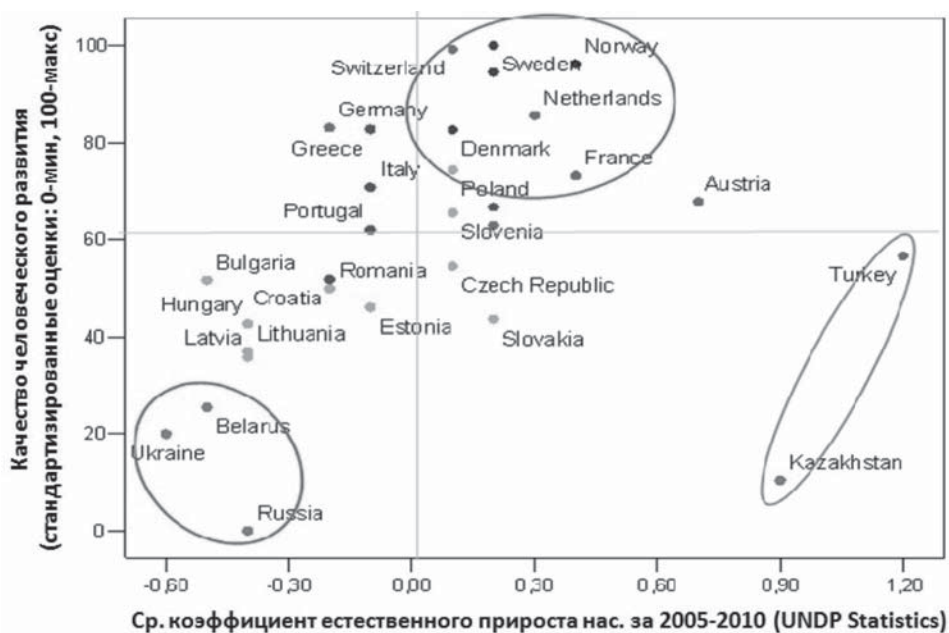

Рис. 5. Распределение стран Европы и СНГ по оценкам качества человеческого развития и режиму демографического воспроизводства (все показатели стандартизированы)

менений. Это связано с недостаточностью данных, т. к. необходимая статистика на начало транзита была и остается весьма фрагментарной и далеко не всегда обеспечивает возможность прямых сопоставлений. Для восполнения пробела мы взяли результаты расчетов экономиста В.А. Красильщикова, разработавшего методику вычисления сопоставимого Индекса человеческого развития (ООН) по всем странам и за все периоды. На следующем графике (рис. 5) мы иллюстрируем динамику наиболее интересной для нас группы стран.

Как видно из рис. 5, относительно среднего мирового уровня улучшить ситуацию спустя 15 лет после трансформации удалось в основном только странам Центрально-Восточной Европы (Литва, Латвия, Венгрия, Эстония, Чехия, Словакия и др.). Серьезно ухудшили свое положение такие страны, как Россия, Армения, Грузия, Украина и Белоруссия. И только Казахстан — типичный представитель евразийского пространства — по крайней мере, сумел удержать свою позицию относительно мирового уровня. К этому можно добавить лишь то, что после мощного проседания показателя в середине 1990-х гг., пожалуй, это единственная из стран СНГ, которой удалось сохранить положительную динамику.

Наконец, последний график (рис. 6) демонстрирует распределение исследуемых стран по качественному и количественному аспектам человеческого развития.

Рис. 6 наглядно подтверждает, что закономерность трансформации количества в качество, некогда названная демографами «демографическим перехо-

Динамика ИЧР к своему максимальному мировому значению (в %) с 1992 по 2006 гг. (по расчетам В.А. Красильщикова, ИМЭМО РАН)

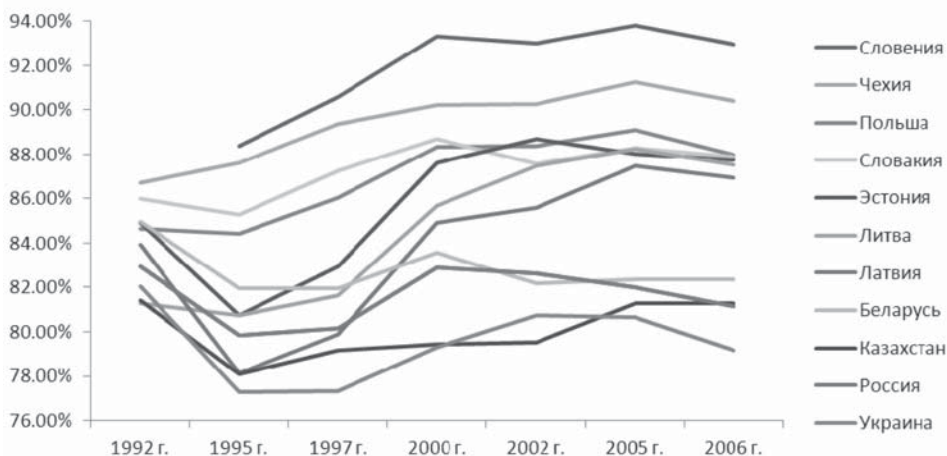

Рис. 6. Динамика человеческого развития в странах Центрально-Восточной Европы и СНГ за 1992–2006 гг. в показателях ИЧР (по методике В.А. Красильщикова)

дом», отнюдь не универсальна. Так, например, наиболее развитые европейские страны представляют собой пример наиболее устойчивых с социальным и экономическим плане обществ, где простое (и даже несколько расширенное) демографическое воспроизводство сочетается с высоким качеством жизни.

Вторая, наиболее интересная, на наш взгляд, группа стран представлена обособленно расположившимися Казахстаном и Турцией, где невысокие показатели человеческого развития компенсируются довольно высокими темпами естественного прироста населения. Последнее обстоятельство отнюдь не удивительно, если учесть, что речь идет о странах с ярко выраженной религиозно-культурной спецификой. Таким образом, жизнеспособность этих преимущественно мусульманских обществ обеспечивается во многом за счет мощного культурного фактора.

В то же время в значительной части стран Центрально-Восточной Европы при относительно более высоких показателях человеческого развития наблюдается естественное сокращение населения. И, к сожалению, Россия среди представленных стран практически в одиночку составляет группу риска — с отрицательным естественным приростом населения (который, как мы знаем по заявлениям наших демографов, в ближайшей перспективе не исчезнет) и самым низким качеством человеческого развития. Учитывая также ярковыраженную тенденцию на его снижение, можно со всей определенностью сделать вывод о снижающейся жизнеспособности российского общества, его моральной, интеллектуальной, физической и социальной деградации.

Вернемся к нашей теоретической схеме. Если радикальная трансформация социально-экономических структур в обществе приводит к резкой смене одного способа организации жизни другим, наступает период адаптации, когда но-

вые структуры как бы вживляются в привычный образ действия и мышления людей. Однако не во всех случаях это вживание происходит органичным способом, т. е. когда этот привычный и в общем-то первичный по отношению к институциональным формам образ действий способен «втиснуться» в новые для него рамки. Именно это, как мы знаем, произошло в России на рубеже 1990-х гг. и стало причиной возникновения эффектов, известных сегодня как институциональные ловушки, которые, в сущности, и есть эти самые воспроизводящиеся неоптимальные практики.

Как было показано, сегодня неоптимальность сложившихся условий для России проявляется в целом букете последствий, крайне болезненных для населения. Согласно полученным нами результатам, оно сокращается (и, весьма вероятно, продолжит в ближайшей перспективе сокращаться) количественно и неуклонно на протяжении 2000-х гг. деградирует в качественном отношении. В схожей ситуации с Россией находится разве что ближайшая к нам Украина, которая, впрочем, по некоторым показателям выглядит даже несколько лучше. В то же время ситуация в таких одинаково «недемократичных» странах, как Беларусь и Казахстан (и, кстати, Турция), по многим параметрам дает населению значительно больше поводов для оптимизма. Другими словами, несмотря на некоторую архаичность социальной, политической и экономической организации этих обществ, хотим мы того или нет, Беларусь и Казахстан в большей степени, чем Россия, способны обеспечить своему населению приемлемые для него условия существования, самореализации и воспроизводства (как социального, так и демографического).

Представленные результаты и некоторые предварительные рассуждения, как нам кажется, дают пищу для дальнейших размышлений. Однако в заключение хотелось бы отметить, что для постановки более точного «диагноза» по-прежнему требуется решить целый ряд исследовательских задач. В частности, хотелось бы понять, как именно и при каких обстоятельствах различные по своему типу и цивилизационной принадлежности общества, реализуют свой социокультурный потенциал, а, главное, как его измерять. Именно эти вопросы для нас центральные в ближайшей перспективе, поскольку обладая на этот счет достоверной информацией и знанием, мы, вероятно, сможем не только оценивать эффективность возможных институциональных преобразований и реформ, но и прогнозировать их последствия.

Литература

Аксюмов Б.В. Конфликт цивилизаций в контексте современных глобализационных процессов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008.

Арутюнов С.А., Рыжаклова С.И. Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв. М.: Весь Мир, 2006–2007. Т. 1–3.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.

Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет Россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5.

Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. Т. 1. (Вводная часть. Сущность проблематики). М.: Высшая школа, 1994.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994а.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994б.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во СПбГУ Глаголь, 1995.

Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998.

Козлов В.И. О сущности русского вопроса и его основных аспектах // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М.: ТОО «АНКО», 1993.

Красильщиков В.А. Человеческое развитие и изменения в мировой системе (опыт количественного анализа). М.: ИЛА РАН, 2010.

Лексин В.Н. Умереть в России // Мир России. 2010. № 4.

Нуреев Р.М. Власть-собственность в постсоветской России (проблема зависимости от предыдущего пути развития). [http://old.econ.pu.ru/files/5_1134066188.pdf]

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: «Дониш», 1989.

Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

Семёнов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003.

Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.

Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

Шемакин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций»: Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении // Общественные науки и современность. 2000. № 3.

Шкаратан О.И. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. № 3. С. 23–45.

Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007 (1). № 3.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.

Ястребов Г.А., Красилова А.Н., Черепанова Е.С. Векторы человеческого развития в постсоциалистических странах Европы и СНГ: опыт количественной оценки. WP17/2011/01 и WP17/2011/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. [<http://www.hse.ru/org/hse/wp/wp17>]

Amable B. The Diversity of Modern Capitalism. Oxford: Oxford, New York, 2003.

Arnason J.P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden, Boston: Brill, 2003.

Ястребов Г.А., Красилова А.Н. Векторы человеческого развития в странах Европы...

Blau P.M. Parameters of Social Structure // American Sociological Review. 1974. Vol. 39 (5).

Grusky D.B., Weeden K.A. Decomposition Without Death: A Re-research Agenda for a New Class Analysis // Acta Sociologica. 2001. № 3.

Eisenstadt S.N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution. The Jacobin Dimension of Modernity. Cambridge: Cambridge University Press, 1999a.

Eisenstadt S.N. Paradoxes of Democracy, Fragility, Continuity, and Change. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1999b.

Etzioni A. The monochrome society. Princeton University Press, 2003.

Hancké B., Rhodes M., Thatcher M. (Eds.) Beyond Varieties of Capitalism. Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Hopkins M. Human Development Revisited: A New UNDP Report // World Development. 1991. Vol. 19 (10).

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.

Inglehart R., Oyserman D. Individualism, Self-expression and Human Development // Henk Vinken and Peter Ester (eds.), Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. Leiden, The Netherlands: Brill, 2004.

Lane D., Myant M. (Eds.) Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2006.

Schwartz S.H. Cultural value orientations: Nature and implications of national differences. Moscow: State University — Higher School of Economics Press, 2008. [<http://www.tau.ac.il/law/cegl3/tax2/1%20Cultural%20Value%20Orientations%20-%20Schwartz.pdf>]

Sen A. Development as Capability Expansion // Griffin K., Knight J. (Eds.) Human Development and the International Development Strategy for the 1990s. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1990.

Sen A. Development: Which Way Now? // Economic Journal. 1983. Vol. 93 (372).

Spengler O. The Decline of the West. An Abridged Edition. New York: Oxford University Press, 1991.

Streeten P. Foreword to: *Mahbub ul Haq*. Reflections on Human Development. Oxford University Press, 1995.

Toynbee A.J. A Study of History (abridged by D.C. Somervell). New York: Oxford University Press, 1987.